

## КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЭЗИИ БЕРНСА

Доцент С. А. Орлов

Кафедра литературы

Сын небогатого крестьянина-фермера, Бернс был связан с крестьянством самыми неразрывными узами, ощущал себя крестьянином, жил его интересами, радостями, нуждами и горем. Он любил говорить о себе: «Я не имею ни малейшего права на звание джентльмена. В жилах моих течет кровь древняя, но безвестная; она добралась до меня, переходя от самого потопца из одного крестьянина в другого, и геральдика меня и знать не хочет».<sup>1)</sup>

Произведения Бернса — гимн человеку труда. Любимый герой его — либо протестант, как пират Макферсон, как веселые нищие, угольщик, либо человек труда — труженник-фермер, веселый пахарь, угольный мельник. Бернс способен отобразить мир ощущений и переживаний самых разнообразных слоев трудящегося крестьянства. Именно поэтому Карлейль удачно называл его «крестьянином с душой подобной Эоловой арфе».<sup>2)</sup> Мейснер считал его автором, «открывшим крестьянство»,<sup>3)</sup> а Давид Дейчер мог писать о Бернсе, как о писателе, «изобразившем крестьян с точки зрения самого крестьянина».<sup>4)</sup>

Как и его предшественники — Рамзей, Фергюссон, Томсон, Грей, Каупер, Бернс обращается к природе. Однако, самый характер этого изображения резко отличен от приемов изображения природы и сельского быта у предшественников.

Бернс подходит к проблеме изображения крестьянина не с общественной проблемы. Для него существует крестьянин не как некая абстракция, которую можно противопоставить дворянству, лордам, но как конкретное явление шотландской действительности второй половины XVIII в., как конкретный социальный персонаж, обремененный в кровь и плоть. Если Карлейль, изображая бедствия зированы и сентиментальны, если Гольдсмит, изображая бедствия крестьянства, зовет к примирению, Бернс дает реалистическое

ть «Под красным знаменем», — кроме Союза Советов, нет государства, где рабочие и крестьяне могли бы любоваться армией, созданной для защиты своей свободы, а не для угнетения своего».

«Красная Армия, — пишет Горький в другой статье, — не только боевая сила, она культурная сила... Готовясь к обороне страны, Красная Армия уже перешла в наступление на хозяйственную и политическую косность массы, на ее древние предрассудки и предубеждения. Красная Армия... служит школой, культурно воспитывающей молодежь, и бойцы Красной Армии хорошо понимают, что они не только защитники страны против внешнего врага, но должны быть бойцами и против внутреннего врага — против старинной глупости, дрянных привычек, суеверий и — за новую культуру» («О Красной Армии»).

Горький готов отказаться от всего пацифизма и стать рядовым бойцом Красной Армии, защищающей правое дело. «И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — заявляет он в статье «О бесчеловечии», — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что знаю, именно она победит, а потому, что великое справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это и мое законное дело, мой долг».

Эта армия органически слита с миром трудящихся. «Мы все должны понять себя как Красную Армию пролетариата всего мира, — все — работники на полях и на фабриках, работник, вооруженный винтовкой и вооруженный пером, мы живем в бою, — это ваш великий будничней, но величайший бой с бесформенным металлом, из которого вы создаете разумные машины, с землей, которую вы заставляете делать обильные урожаи, бой под землей, где вами добывается уголь, бой на транспорте, в зимние ночи, против снежных метелей, — всюду вы ведете бой словом и делом» («Ураган, старый мир разрушающий»).

В битве армий трудящихся с фашистскими полчищами победа останется за трудовым народом. «А если грабители мира, — пишет Горький, — все-таки... сумеют обмануть пролетариат и послать его против его же авангарда, — рабочий класс Союза Советов пойдет в бой так же мужественно, как властно он вышел в жизнь, как категорически начал строить свое, социалистическое государство. Это будет битва, где против армии обманутых врагов, защитников бесчеловечной власти хозяев над ними, встанет армия, каждый боец которой будет хорошо знать и чувствовать, что он бьется за свою свободу, за свое право быть единственным властителем своей страны. Этот боец и победит».

<sup>1)</sup> Chambers, vol. I, Письмо к Л. Муру.

<sup>2)</sup> Карлейль, Исторические и критические опыты, М., 1878, стр. 366.

<sup>3)</sup> Paul Meissner, Der Bauer in der englischen Literatur, Bonn, 1922, S. 51.

<sup>4)</sup> David Deicher, Literature and Society, Lond., 1938, p. 177.

воплощение образа, акцентирует социальную сторону вопроса, зачастую методами сатирической насмешки или страстного диалога героев. Он особенно остро ощущает ту пропасть, какая разделяет богатых и бедных, помещика и арендатора. «Пусть дьявол возьмет такую жизнь, при которой плоды, которые мы пожинаем, должны достаться другому!» — восклицает он.<sup>1)</sup>

Бернс на себе испытывает последствия промышленного переворота. Оттого-то написанное им живо, естественно, реально. Горечь его жизненная, страдания искренни, впечатляющи. Если Томсон и Каупер подходили к проблеме изображения крестьянства с точки зрения столичной, гордской, Бернс идет путем противоположности. Бернс действительно впервые в истории английской поэзии явился бытописателем труда и быта шотландского крестьянства. Чуткость его общественного сознания, способность ощущать мир чувств и явлений окружающего, особенно заметны в таких его произведениях, как *The Two Dogs* (1786), *Man Was Made to Mourn* (1785), *Tam o'Shanter* (1790), *John Barleycorn*, *The Inventory*, *Lines written on a Banknote*.

Одним — владельцам эдинбургских гостиных, особняков, помещичьих земель и участков, служителям бога, благословляющим существующий мир, податным инспекторам и чиновникам, представителям мира сытых и обеспеченных, влиятельных и могущественных — он платит полной мерой своей классовой ненависти. Другим — людям его социального круга, близким по духу, по чувству, по миру ощущений, — он остается последовательно верен до конца. Побывав в Эдинбурге, познакомившись со столицей, Бернс замечает: «Мне довелось немного познакомиться с роскошью быта высших. Я могу прожить и без нее. Мне не придется краснеть ни за мою собственную бедность, ни за нищету моей деревни».<sup>2)</sup>

Если Каупер до предела сентиментален, скорбь Бернса связана с человеком, с его страданиями, лишениями и невзгодами, скорбь Бернса оправдана социальн о. В стихотворении *Man Was Made to Mourn* (1785) поэт неоднократно повторяет одну и ту же строку: «страдания — наш удел». Однако, если внимательно присмотреться к стихотворению, оно уже не совсем безрадостно, в нем есть и нечто другое.<sup>3)</sup> Здесь налицо четкое понимание существующих социальных противоречий:

Восходит солнце каждый день  
Над гладыю тех болот,  
Где сотни рук на одного  
Работают весь год

(перев. Н. Новича).

<sup>1)</sup> *Anschauungen über Stadt und Land in der englischen Literatur des achtzehnten Jahrhunderts* von L. Liebenam. Halle, 1928, S. 40.

<sup>2)</sup> *Burns by Himself* by K. Henderson. Lnd., 1938, p. 98.

<sup>3)</sup> Бернс не верит, что человек рожден для несчастья. Разве он не поэт всеобщего братства? Он верит, что человек создан, чтобы веселиться, и если он лишен в действительности свойственной ему радости, то это происходит вследствие создавшихся условий, которые человек творит сам, которые он может изменить» (Rob. Burns and the Common People by W. Stewart, Lnd., 1927, p. 32).

Здесь мы легко заметим следы острой классовой неприязни крестьянина к богачу-помещику:

На бедняка взгляни: нуждой  
И горем изнурен,  
Себе у брата-богача  
Работы просит он;  
Но слух надменного червя  
Он просьбой не задел,  
Тот знать не хочет, как другим  
Тяжел земной удел

(перев. Н. Новича).

Нет сомнения, что здесь у Бернса можно еще найти остатки наивной веры в то, что возможно и достижимо «всеобщее братство» всех людей — и богатых и бедных. Однако строки произведения содержат уже угрозу, которая будет впоследствии произнесена Бернсом во весь голос:

Зачем с свободною душой  
На свет я был рожден?  
А если нет, то чем он горд?  
Терпенью есть предел!

(перев. Н. Новича).

Брат поэта — Джильберт, сопровождает это произведение следующим признанием: «Обычно он говорил мне, что не представляет себе более гнетущей картины человеческой жизни, чем зрелище человека, лишённого возможности трудиться. Думая так, он сочинил элегию *Man Was Made to Mourn*».<sup>1)</sup>

Последствия промышленного переворота в Шотландии нашли свое отчетливое выражение и в других произведениях Бернса. В *Ruind Farmer*, имея в виду своего отца — Вильяма Бернса (1721—1784), поэт говорит об изменчивости судьбы, о необходимости для бедняка ожидать «порыва угрюмой бури». С большой сердечностью говорит Бернс словами своего героя:

Вот лежит милая крошка на руках у матери,  
Маленькое сердце не боится пока тревоги,  
За них обоих бодит мое сердце,  
Объясное горькой мукой,  
И все это — изменчивая судьба!

Деньги, хлынувшие в деревню в связи с хозяйственно-экономическими переменами в деревне, ненавистны поэту. В них он видит источник своих злключений, их порицает с гневом и страстью:

Будь проклята твоя власть, проклятый клочок бумаги —  
Источник всего моего горя и печалей!  
Из-за недостатка тебя я лишился моей милрой!  
Из-за тебя я ограничиваю свой стакан!  
Я вижу детей несчастья  
Беспомощных, ибо они лишены тебя.

<sup>1)</sup> *Chamber's*, vol. I, p. 158.

Из-за нехватки тебя я покидаю этот горячо любимый берег,  
Чтобы никогда, быть может, не приветствовать более старую  
Шотландию!

Грезм в своей работе «Шотландское общество в 18-м веке», характеризует особенности промышленного переворота в Шотландии, без сожаления наивно говорит о том, что к концу столетия координально изменились до того «амрные и любовные отношения между богатыми и бедными».<sup>1)</sup> Историк шотландского быта принужден констатировать, что произошедшие в итоге аграрно-промышленного переворота «перемены заметно повлияли на социальные взаимоотношения», причем «стала более заметной разнида в интересах и симпатиях богатого и бедного».<sup>2)</sup> Бернс отобразил в своей поэзии именно эту сторону изменений общественных соотношений. Он с волнением говорит о том, что:

Некие счастливицы нашли цветущее место,  
Ряди которого они не трудились, не сеяли,  
Они пьют сладко, сляг жорно,  
Без забот или огорчений  
И, счастливые, смотрят на бедную хижину  
С глубочайшим презрением.<sup>3)</sup>

Бернс платит им той же монетой. Он противопоставляет богатству, титулам и рангам человека труда. Довольству патрициев он противопоставляет плебейское счастье, радость подлинного удовлетворения жизнью, радость молодости, творчества, семьи.

Не титулами, или рангом,  
Не богатством лондонского банка  
Приобретается мир и покой.  
Не книгами, не ученостью  
Сделать нас подлинно счастливыми.  
.....  
Мы можем быть мудрыми, богатыми, великими,  
Но никогда не будем счастливыми.<sup>4)</sup>

Благам материального благополучия поэт противопоставляет другие блага — моральную стойкость и честность. Счастливым, по его мнению, может быть лишь человек высокой души:

Ни сокровища, ни удовольствия  
Не могут дать нам продолжительного счастья,  
В сердце — всегда то,  
Что делает нас правыми или лживыми.<sup>5)</sup>

В другом месте того же «Послания к Дэви» поэт, предлагающий своему брату «не вешать голову, хоть мы и не богаты», признается,

<sup>1)</sup> Graham H. G. The Social Life of Scotland in the 18th Century vol. I, p. 261, Lond., 1899.  
<sup>2)</sup> Там же, p. 262.  
<sup>3)</sup> Epistle to James Smith.  
<sup>4)</sup> Epistle to Davie.  
<sup>5)</sup> Там же.

что они оба обладают счастьем, которое и не снилось богачам.  
Это — любовь и дружба:

Жизнь радостна для тебя и меня.  
Богата радостью, которую нельзя купить.  
Радостью самой лучшей.  
Это — удовольствие сердца —  
Любовь и дружба.  
Для тебя это — Мэг.  
Для меня — любимая Джен.

В наемливо-ироническом «Послании к Джемсу Смитсу» поэт предполагает поступать своим пером в дверь Власти и обратиться к последней с просьбой. Он попросит у Власти напоить виски странствующих медников, дать подвязку Вилли Питту, приумножить проценты богатым, но для себя запросит только надежного остроумия. Радость труда, радость творчества для поэта несоизмерима с чем, он не согласен обменять ее на золото или титул.

Существенное отличие Бернса от предшествовавших ему поэтов и современников состоит в том, что Бернс не только оплачивает судьбу разоренного фермера, как это делает Гольдсмит, как это отчетливо заметно у Крабба; Бернс не только скорбит, но и сам падает. Он пользуется сатирой как оружием в своей борьбе, он вносит в свою поэзию резко обличающую, разящую струю. Именно это решительно отличает его от поэзии предшественников — Рамзеса и Фергюссона, от идиллической грусти Каупера, лирики Томсона и Грея, примиренческих тенденций Гольдсмита. Бернс нападает. Он пользуется для этой цели и формой сатирического послания (Address of Beelzebub, (1786), и стихотворным диалогом (The Two Dogs), и песней («Золотые кудри Анны»).

В первом из них, написанном от лица Вельзевула на имя председателя горно-шотландского общества, Бернс с большим мастерством использует образ дьявола-человеконенавистника, дружески беседующего с господином председателем.

Чорт, приятельски желающий здоровья своему близкому другу, предостерегающий его от «голодных шотландских мужиков», прозрачно намекает на события американской революции, говоря:

Дай только им возможность пересечь моря и озера,  
Так они придумают тотчас же законы и порядки,  
Какие им вздумается!

Чорт с трепетом думает о том, что произойдет, если управлять страной будут люди, подобные «какому-то Вашингтону» или Франклину. Он полагает, что «у мужиков» нет никаких прав на богатство, свободу или власть:

What right ha'e they  
To meat or sleep or light o'day?  
Far less to riches, power or freedom,  
But what your lordship likes to give them? <sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Address of Beelzebub (Burns Poetical Works ed. by Ch. Kent, p. 188).

Вельзевул дружески советует лорду Глэнгри «раздавить и уничтожить крестьян, сгноить повстанцев в тюрьмах, бросить молодых щенят на работу (пусть труд и голод протрезвят их!), девок, если только они напакостят, послать на улицу Дружи-Лейн, а если женщины в грязных лохмотьях соберутся у ворот, серые от бобов, пугающие гусей милорда, достать их кнутом и бить эту толпу цыган со всеми ублюдками».<sup>1)</sup>

Послание дьявола заканчивается любезным приглашением милорду пожаловать в ад, где почетному гостю уже приготовлено лучшее место у очага, между тираном Поликратом и Иродом.

Не трудно убедиться, что Address of Beelzebub — острая сатира, отвечающая самым злободневным запросам современности. Она перекликается с циклом других политических произведений Бернса, таких, как «Ода на рождение генерала Вашингтона».

Столь же остры сатирические выпады Бернса и в The Inventory, где на предложение податного инспектора поэт дает подробный перечень тех «богатств», какими его наградила судьба. Среди последних — его Бесс «с мордашкой славной и живой», «телеги три (вот экипажи!)» и пр. Не без ядовитости поэт в заключение заявляет податному инспектору:

Минует вас с попом мой грош,  
С меня не густо наживешь

(перев. Т. Щепкиной-Куперник).

Однако, настоящей энциклопедией крестьянского быта Шотландии второй половины XVIII в. следовало бы назвать большую сатирическую поэму Бернса The Two Dogs (1786).

В ней рассказывается, как однажды в июньский день встретились и разговаривали две собаки — Цезарь, живущий у аристократов, и бедняк Льюаф. Они далеки от того, чтобы подобно людям грызть друг друга, а мирно беседуют о том, как устроен мир.<sup>2)</sup>

Пользуясь формой сатирической сказки, Бернс дает реалистическое изображение быта шотландского села своего времени. Кажется, что за Цезарем прячется лицо самого шотландского поэта, считающегося его протестующий, гневный голос:

Дворянство видит скот в холопах,  
Чернорабочих, землекопов...  
Их презирая свысока,  
Как я — вонючку барсука.  
Видал не раз в приемный день я  
Не без сердечного стеснения,  
Коль фермер не заплатит в срок,  
Как управитель с ним жесток.  
Кричит, сажает под арест,  
Грозится снять последний крест...  
А тот, сняв шапку, стой учтиво,  
Дрожи, да слушай терпеливо

(перев. Т. Щепкиной-Куперник).

<sup>1)</sup> Address of Beelzebub (Burns Poetical Works ed. by Ch. Kent. p. 189).

<sup>2)</sup> Мотив о разговоре двух собак не нов в литературе. Всп., например, Сервантеса «Разговор двух собак», басни Лафонтена, позднее Крылова.

В уста Цезаря поэт вкладывает уничтожающую, разящую оценку деятельности помещика, аристократов вообще. Когда проstack Льюаф выражает надежду, что знатный хозяин Цезаря, быть может, «еда в парламенте ведет» или живет для блага родины, Цезарь резко отвечает ему:

Для «блага родины»? Эй, брось,  
Тебе их видеть не пришлось.  
Нет! Мямлит, подчинясь премьеру,  
«Да, нет» — он по его примеру.  
И только! Жизнь его — парад,  
Ростовщики и маскарады.  
Спешит он в Вену иль Версаль;  
Наследства предков ведь не жаль!  
То бой быков и звон гитары  
В Мадрид влекут его, как чары,  
То ловит девок непотребных  
В садах Италии волшебных...

«Для блага»? — Для ее вреда,  
Крамолы, мотовство, вражда! (перев. Т. Щепкиной-Куперник).

Несомненно, что в сатирах Бернса, которые столь любил, по воспоминаниям Поля Лафарга, К. Маркс, мы яснее почувствуем реалистическую струю поэзии Бернса. К поэме The Two Dogs справедливо может быть отнесено замечание Гехта о том, что у Бернса «земля, село говорит его словами. Сатира поэта приобретает остроту, юмор — подлинность, нафос — величие».<sup>1)</sup>

Внимательно присматриваясь к другим сатирическим произведениям Бернса, мы находим в них нередко те же элементы социального неприятия действительности и резких нападок на представителей социальных групп, враждебных крестьянству. Если Бернс смеется (Sam O'Shanter), юмор его трезв, в нем чувствуется доля жизненной сфальстности, умение по достоинству оценить происходящие явления. Если Бернс осуждает (The Two Dogs), чувствуется огромная ненависть его крестьянина к миру аристократов, плебейское презрение к ситательным паразитам и тунеядцам.

Однако, в эти годы, в годы создания «Двух собак» (1786), «Тэма» (1790) Бернс не доходит до радикальных выводов, сделанных им несколько позднее под влиянием идей буржуазной французской революции 1789 г.

Уместно поставить теперь вопрос об идеалах поэта в эти годы, о тех положительных ценностях, которые он видел в жизни, к которым он призывал. Здесь мнение абсолютного большинства исследователей определено. Чемберс и Анжелье, Шеап, Мейсснер, Гехт и Гендерсон единодушны в этом вопросе. Стало традицией и в русской науке<sup>2)</sup> отвечать на этот вопрос ссылкой на одно и то же произ-

<sup>1)</sup> Hans Hecht. Rob. Burns (Germano-Romanische Monatschrift, Heidelberg, 1909, S. 185).

<sup>2)</sup> См., например, статьи П. Вейнберга, Н. Ал-вой, Ив. Иванова, М. Н. Романова, С. Бабух и др.

ведение The Cotter's Saturday Night. В этой поэме привыкли видеть как бы политическое credo Бернса, выражение его «символа веры». Нам кажется, что такое понимание односторонне и не отражает действительности. Поэма «Субботний вечер поселянина» — это идилия, написанная Бернсом в 1785 г., т.е. в один год с To a Mouse, Holy Willie's Prayer, The Jolly Beggars, The Twa Herds и другими произведениями. По личным воспоминаниям брата поэта — Джильберта, поэма автобиографична. Она имеет в виду быт семьи Бернсов, и написана в память отца поэта, умершего за год до этого времени. Помимо этого следует иметь в виду, что Бернс, создавая поэму, имел перед собою следующий литературный образец — поэму Фергюссона The Farmer's Ingle («Очаг поселянина»).

В поэме имеются некоторые моменты, характерные для творчества Бернса в целом (патриотизм, уважение к труду фермера, противопоставление дворянам лагуг и хижин), но в целом произведение выделяется среди других своим идилическим изображением действительности. Поэма, написанная в годы серьезных жизненных лишений, связанных со смертью отца, крушением надежд на самостоятельное ведение дел на ферме, говорит о «здоровом духе, довольстве и мире». Это не столько картинка быта семьи шотландского крестьянина конца столетия, сколько «взгляд в прошлое», идилическое прославление давно ушедшего времени.

Реалистические моменты поэмы заглушены сентиментальной дымкой. Это почти пастушеская идилия.

Кроме того поэма проникнута религиозностью и благочестием, которые нигде и никогда более не появляются в творчестве Бернса, да и не свойственны его поэзии. Этот религиозный колорит создан нарочито, он не реален, как не был он реален и для семьи Бернса. Нельзя забывать, что в том же 1785 г. Бернс создает столь ярко тенденциозные антикатолические сатирические произведения, как The Twa Herds, or Holy Tulzil, Holy Willie's Prayer, Epitaph on Holy Willie, а в поэме The Jolly Beggars (1785), написанной в том же году, клеймит церковь строкой:

Churches built to please the priest.

Нам могли бы возразить, что подобные нападки на церковь не затрагивают основ веры, что насмешка над служителями церкви еще не подрывает самого вероучения. Но настроение Бернса в «Субботнем вечере поселянина» столь определенно, что оно идет вразрез со всем творчеством Бернса. Отсюда мы должны признать, что если стихотворение и рисует мир, желаемый в какой-то мере для поэта, то все же налицо — идилия, лирический экскурс в прошлое, идеализация старины, наивная вера в то, что жизненно установленный порядок неизменен. Мы полагаем, что значение «Субботнего вечера» в лирике Бернса преувеличено, а самый быт идеализирован, как это имеет место и в отдельных других произведениях поэта («Веселый пахарь»).

«Субботний вечер поселянина» дает представление о мире и спокойствии, о «справедливости существующего жизненного порядка, о мудром всдержителе и неизменности бытия. Однако очень многое в поэзии Бернса говорит о нарушении мира и быте, о несправедли-

вости существующего жизненного порядка, о нелепости социального устройства и существующих норм жизни, о полном пренебрежении церкви и ее учения к потребностям и запросам человека.

Поэма «Субботний вечер поселянина» — это идилия, написанная по определенному литературному образцу для определенной цели — представить существующим быт, в действительности не существующий.

Заметим, что и по форме «Субботний вечер поселянина» исходит из литературной книжной традиции, а не из фольклора. Поэма написана спенсеровой строфой (что вообще довольно редко у Бернса) чисто английского происхождения, не употреблявшейся шотландскими народными (vernacular) поэтами. Частично она напоминает The Farmer's Ingle, но написана современным Бернсу английским языком, который временами перемежается шотландизмами. Многие в лирическом звучании, отступлении и фразеологии этого произведения Бернса напоминают тех английских поэтов, которых он знал: Миллтона, Грея, Попа, Томсона и Гольдсмита.

Теме крестьянского труда в поэзии Р. Бернса уделено значительное место. Крестьянин Бернса — труженик, близко стоящий к земле, к природе. Все многообразие сложных крестьянских сельскохозяйственных работ показано Бернсом с большим знанием дела. Среди героев Бернса мы находим пахаря, шагающего за плугом в солнечный майский день; доярку, мечтающую о замужестве; мельника, осыпанного мукою в такой мере, что самый поцелуй его в муку, о чем со смехом рассказывает поселянка; веселых косарей, убегающих от дождя. Бернс неизменно рисует своих героев с большой силой чувства, искренностью, подлинно горячей симпатией. Именно здесь Бернс чувствует себя в родной обстановке, именно здесь таятся для него те силы, на которые можно опереться, строя правильно организованное общество. Бернс пишет о крестьянстве, как может писать только настоящий крестьянин. Если мы обратимся для примера к стихотворению «Деревенская девушка» и припомним начало:

Порою летней в сенокос

В раздольи нив еще зеленых,

Когда в садах так много роз,

И клевер забелел на склонах —

мы увидим, что вся хронология произведения дана с точки зрения крестьянина. Подобное же наблюдение можно было бы сделать и на примере «Второго письма Джону Лапгреку» и многих других произведений. Крестьянский быт показан и в иных его проявлениях: любовь девушки, счастливая и отвергнутая, свидание с милым тайком от остальных, ссорящихся, но в сущности любящие друг друга супруги, сварливая жена, не оставляющая своего мужа в покое даже после смерти, печаль разлуки и радость встречи, огромная радость труда, песни во время полевых работ, острые словечки и шутки, песни и пляски, обычаи и суеверия — огромная совокупность чувств, рисунков умелой кисти подлинно народного художника.

Песни Бернса затрагивают много тем — дружба, любовь, разлука, сватовство, полевая работа, отдых, нужда и горе. Каждой строкой своих песен Бернс поет о жизни знакомого ему народа, о его

счастье и горестях, о его радостях, склонностях и порывах. «Любовь, веселость, безрассудство, патриотизм, хвастовство независимостью, общественная мораль, фантастика — таковы его темы, звучащие абсолютно искренне; это — крестьянское в глазах самого крестьянина», — пишет о Бернсе Дэйвид Дейчер.<sup>1)</sup> «Его песни, — говорит о Бернсе Карлейль, — составляют уже часть родного языка не только Шотландии, но и Англии и целого миллиона людей, говорящих во всех концах земли на английском языке».<sup>2)</sup>

Искренность, задушевность и простота, характерные и для произведений народного творчества, определяют собою песню Бернса. Сохраняя обаяние древности, Бернс обогащает каждую песню своей яркой индивидуальностью. Однако, простота отнюдь не является следствием бедности художественных средств или наивности поэта. Бернс — сложный и опытный мастер. Он тщательно отделяет каждую строку своего стихотворения, следит за гибкостью и выразительностью речи, ясностью и четкостью мысли, добивается предельной художественной простоты. Отлично зная своего читателя, Бернс полагает, что простота в песне — необходимое качество для ее привлекательности. Как подлинный реалист, поэт слагает не одни лишь веселые песни, у него есть и иные — печальные, но и сама печаль песен — жизнеутверждающая и мужественная. Он не боится невзгод и трудностей потому, что на его стороне — сила подлинного творчества, труда, потому, наконец, что для него нет никаких сомнений в неизбежности прихода лучшего, которого он готов добиваться.

В этой широте охвата жизни, в этой разносторонности изображения человеческих чувств и ощущений сказались реалистические элементы поэзии Бернса. У него чувство меры и вкус, лаконичность и сдержанность изобразительных средств и выражений. В его поэзии мы найдем элементы той психологической индивидуализации героев, которая станет столь типичной для последующего романтического движения литературы. Реализму изображения соответствует у Бернса и демократизация языка, его гибкость, понятность самым широким читательским массам, и локальность обстановки. Крестьянин Бернса всегда наделен чертами, характерными для данного исторически-конкретного времени и обстановки, его плед — не драпировка, соломенная шляпа — не реквизит, его плуг и мотыга — не бутафория. «Мне представляется, что Бернс, — замечает Снайдер, — обладал интуитивным стремлением к правдивости, которая, одна говорит больше любых объяснений его поэзии и которая ставит его значительно выше всех других современных ему поэтов».<sup>3)</sup>

В области деревенской тематики Бернс полностью в своей родной среде. Как правило, мы не найдем у него аффектации или преувеличений, идеализации или поверхностного наблюдения. В этом отношении развитие поэтического творчества Бернса шло по пути становления реалистической поэзии XVIII столетия. Захвативший общим процессом развития литературы, Бернс вступил на лите-

<sup>1)</sup> D. Daicher. Literature and Society. Lnd., 1938., p. 177.

<sup>2)</sup> Томас Карлейль, Исторические и критические опыты, М., 1878, стр. 366.

<sup>3)</sup> F. B. Snyder. Rob. Burns, His Personality, Reputation and Art. 1938, p. 406.

ратурное поприще как сентименталист, и отзвуки этого не столь уже трудно обнаружить в его лирике. Но значительно существеннее именно то, что произведение Бернса, будучи тесно связано с фольклором, обусловлены всем историческим процессом времени, утверждали реализм в поэзии, звали к изображению жизни и быта масс, их чувств и эмоций.

Мир, представленный Бернсом, настолько значителен по своему содержанию, по богатству затронутых проблем и вопросов, настолько ко исторически конкретен, что в Бернсе мы в праве увидеть поэта, давшего изображение «полной и мощной крестьянской жизни, неиспорченной идиллическим сентиментализмом, с сильной мужественной кровью, текущей в каждой вене».<sup>1)</sup>

Лирика Бернса дает представление о нравственном кодексе автора, о его отношении к происходящим событиям. Оттененный социальностью в жизни, он в поэзии независим, с презрением оглядывается в сторону своих притеснителей. Его идеал — гордая, независимая личность, презирающая труса, лицемера, ханжу, издевающаяся над дебрями и алчностью богатых, готовая пойти на самую смерть с гордо поднятой головой.

Господином я не был ничьим —  
И не буду рабом никому,  
И с мечом благородным моим  
Я не дам себя бить никому, —

восклицает он в стихотворении «У меня есть жена». Эта гордость человека, осознавшего свое личное достоинство, протестующего против рабства, проходит красной нитью по всей поэзии Роберта Бернса, находя свое выражение то в форме лирической песни («Прощание Макферсона»), то в форме кантаты («Веселые нищие»), то в форме патетического обращения («Зимняя ночь»). Он утверждает идеал «честного человека» — человека труда и протестанта, не желающего мириться с окружающим миром. Этой внутренней силы человека, его достоинства мы не нашли бы ни у Томсона, ни у Каупера. Бернсу как поэту, принадлежит заслуга провозглашения необходимости борьбы за лучшее социальное устройство, утверждения прав человеческой личности, социально униженной и угнетенной.

Какими же качествами Бернс наделает крестьянина? Здесь могло бы быть отмечено ряд моментов, характеризующих героя Бернса. Прежде всего это человек, который отрицает роскошь имущих классов во имя естественности и простоты. Он готов довольствоваться малым, ибо он неприхотлив, скромен и его радости могут показаться с точки зрения столичной ограниченными. Но лишь с точки зрения столицы, города, его наиболее обеспеченной части. Крестьянин Бернса — труженик, семьянин, человек, любящий свое поле, свой труд, свою ферму. Крестьянам Бернса дорожке всего на свете

Жена их верная и дети.  
Их тешит крошек болтовня  
Зимой у мирного огня;

<sup>1)</sup> Stephen Lesley. History of English Thoughts, 1881, p. 455.

Довольно на два пенса пива,  
Чтоб жизнь казалась им счастливой  
(«Две собаки»).

Бернс утверждает качества п о л о ж и т е л ь н о г о человека. Они противополжны качествам аристократов. Бернс утверждает мысль о дружбе, о заботливой поддержке уставшего, ослабшего человека, в котором он готов видеть товарища и друга. Взаимоотношения его людей гуманны, основаны на дружеском расположении и взаимопомощи. Прекрасные строки его John Anderson, My Jo! волнуют, ибо чувства, изображенные в произведении, пережиты, реальны. Бернс разрушает своей поэзией традиционное представление XVIII столетия о крестьянине, как о человеке ограниченном и второразрядном. Поэзия Бернса утверждает богатство эмоций крестьянина, правомерность его, как положительного героя литературы. Мы знаем, что вся жизнь Бернса (как и вся его поэзия) представляла собою поиски грядущего нового, призванного и должного переустроить мир. Бернс, мечтавший о новом счастливом веке, о новых счастливых людях, относил честность, любовь и дружбу к разряду признаков, присущих новому человеку. Этот человек мужествен и тверд, решителен и дерзновен. Однако, он способен услышать голоса природы, он человечен, дружелюбен по отношению к ней. Мир живых существ, населяющих землю, — его мир, понятный знакомый и близкий. Крестьянин Бернса гуманен в самом широком смысле этого слова. Он видит раненого зайца и обрушивает проклятие на голову того, кто таит в своей преступной душе смерть. Он предлагает раненому животному бежать подальше от человека, и в голосе поэта чувствуется большее: разве фермер, который разорен своим лордом, или нищий, который безжалостно выброшен на улицу, не разделяет подобную же судьбу? Разве он не в праве быть счастливым, познать полноту жизни и радости бытия? И Бернс десятки раз подчеркивает право любого живого создания на мир, на существование, на всю полноту жизни. Его стихи: «К полевой мыши», «К маргаритке», «Раненый заяц» — это произведения значительных обобщений, это утверждение одной и той же мысли о несправедливости, несправильности социального устройства.

Герой Бернса — труженик, и он готов уважать труд любого. Это качество распространяется у бернсовского крестьянина и на животных. Герой произведения The Auld Farmer's New Year Morning Salutation to his Auld Mare Maggie говорит своей постаревшей и обессиленной лошади — верному спутнику всей своей жизни:

Не думай, мой старый и верный слуга,  
Что ты теперь никому не нужен,  
Что твои дни окончатся голодом,  
Пока я жив, я всегда буду заботиться о тебе.

Крестьянин Бернса — страстный патриот своей родины. Как впоследствии Байрон, Бернс говорит в своих песнях о свободе, мечтает о национальной независимости угнетенного шотландского народа.

Мотив этот окрашивает все творчество Бернса, оставаясь неизменным и существенным на всем протяжении жизни поэта. Мы встретим его в «Субботнем вечере поселянина», в «Мое сердце в горах» и многих других произведениях Бернса. Теме родины у Бернса посвящено много произведений и помимо чисто «крестьянских» (Ode on General Washington's Birthday, Bruce at Bannockburn, Caledonia, I wish... и др.). Свою большую поэму «Субботний вечер поселянина» Бернс заканчивает пожеланием удач своей любимой родине:

Шотландия! Родной любимый край!  
За сыновей твоих мои моления!  
Здоровый дух, довольство, мир — пускай  
Всегда хранят их мирные селенья!  
Да не коснется их зараза тленья,  
Яд роскоши, пороков гнусных гной  
(перев. Т. Щепкиной-Куперник).